

Как я и ожидала, Мэтт был не из тех, кто отказывается от, по сути, бесплатного обеда. О, он сдержался, не стал заказывать прайм, но нью-йоркский стейк - это все равно больше, чем то, что обычно ожидается на обед.

Во время обеда я воспользовалась возможностью узнать больше о Мэтте, как о том, кто он такой, так и о том, на что он способен. Мне было приятно узнать, что он уделял пристальное внимание движению за права инвалидов, и это стало одной из причин, по которой он стал представителем студентов 1L в Колумбийском университете. Эта информация также обрела смысл, когда я узнала, что конституционное право - его любимый предмет, хотя я немного подтолкнула его к тому, чтобы он уделил внимание межгосударственным грузоперевозкам.

Межштатные автоперевозки: бич многих первокурсников. (Если вы не знаете, не спрашивайте, оно того не стоит).

Сенсорные способности Мэтта, с другой стороны, были почти пугающими. Я попробовала провести несколько небольших тестов, чтобы узнать, как далеко он может зайти в своих чувствах, и была поражена до глубины души.

Его обоняние было достаточно сильным, чтобы угадать, что заказали все вокруг, с удивительной точностью.

Мэтт не смог сдержать румянца, когда сообщил, что у пары женщин в кабинке на другом конце ресторана роман, хотя я с удовольствием заметила, что его единственной реакцией на это откровение было смущение.

И что самое впечатляющее, он смог прочитать мое меню, просто проведя пальцами по бумаге и почувствовав, как чернила ложатся на бумагу.

Все это навело меня на мысль, и, честно говоря, если бы это дело, о чем бы оно ни было, дошло до суда присяжных?

Я была бы счастлива, если бы слух Мэтта был на моей стороне, когда дело касалось взятия показаний, выбора присяжных и перекрестного допроса свидетелей.

Обед подошел к концу, и, как бы мне ни хотелось его продолжить, дьявол должен получить свое.

Около часа дня я вернулась в офис Шмоля Либермана с Мэттом Мердоком, готовая услышать о том, какая мрачная судьба нас ожидает.

"Ммм... Я передам это", - сказал Либерман, записывая что-то в блокнот, пока он заканчивал разговор по телефону, оставив нас двоих сидеть перед ним.

"Еще раз спасибо, Майк. Увидимся на следующей неделе за выпивкой, да? Хорошо, пока".

Он положил трубку, вырвал страницу из блокнота и протянул ее мне.

"Это был Майкл Финниган, секретарь суда", - сказал он Мэтту. "Но самое главное, что нужно знать о клерке, - это то, что он может сделать вашу жизнь легкой, а может превратить ее в мучение. Никогда не подкалывай клерка, понял?", - Либерман открыл было рот, чтобы сказать

что-то еще, но быстро спохватился и передумал. Если я не ошибаюсь, он собирался сказать Мэтту "запиши это, чтобы не забыть".

"Да, сэр", - сказал Мэтт, и по его веселой ухмылке я поняла, что он тоже знал, что сейчас он мог сказать.

"Что-нибудь можете сказать нам прямо сейчас?", - спросила я. "Мы будем у судьи Эндрюса, кажется, вы так сказали?"

Он упоминал Эндрюса перед обедом, но Мэтт мог это пропустить.

"Верно", - сказал он, откинувшись в кресле и вертя ручку между пальцами. "Достопочтенный Филип Эндрюс. Приверженец правил, не любит театральности в своем зале суда", - его взгляд задержался на мне. "Если вы хотите, чтобы он вынес то или иное решение, единственное, что поможет вам, - это закон. Человеку плевать на эмоции, и, ей-богу, я никогда не видел таких конкретных инструкций для присяжных, как у него".

"Что мы знаем о самом деле?", - спросила я. "Или о клиенте?"

"Не так много, как хотелось бы", - сказал Либерман. "Из того немногого, что я смог узнать, следует, что ваш клиент - несовершеннолетний, а обвинение настаивает на том, чтобы судить его как взрослого. Не могу сказать, почему, но что бы это ни было, все ведут себя осторожно".

Я нахмурилась. Не так уж много ситуаций, в которых вы действительно хотели бы судить несовершеннолетнего как взрослого; в каком бы преступлении ни обвиняли этого клиента, оно было серьезным.

Единственная причина, по которой прокурор в Нью-Йорке мог бы настаивать на этом, - это если бы несовершеннолетний совершил изнасилование, серию убийств или какое-нибудь другое столь же чудовищное преступление.

"Я сообщу вам, как только мы выясним, почему они хотят судить его как взрослого", - сказала я Либерману. "Было ли что-нибудь еще, сэр?"

"Да. Мистер Мердок, не могли бы вы выйти на несколько минут? Мне нужно переговорить наедине с моим адвокатом", - мы оба нахмурились, но это была не та просьба, от которой можно было отказаться.

"Конечно, сэр", - Мэтт поднялся со стула, и Либерман встал вместе с ним, чтобы придержать дверь открытой для слепого молодого человека.

Не то чтобы Мэтт нуждался в помощи, подумала я про себя, но в данный момент мы с ним были единственными, кто знал об этом.

Как только за Мэттом закрылась дверь, Шмуль Либерман сел обратно за свой стол и вперил в меня пристальный взгляд.

"После того как вы в последний раз вели дело перед Эндрюсом, мне кажется, вы должны заверить меня, что будете вести это дело полностью по правилам", - сказал он мне. "Никакого выпендрежа, никакой театральности, никакого раздвигания границ".

"Простите, сэр?", - заикнулась я, более чем обескураженная услышанным.

"Послушайте. Вы чертовски хороший адвокат, Шефер. Но я не уверен, что вы подходите на роль партнера. Заработок - это здорово, но нам нужен еще и престиж. Справитесь с этим делом, не разозлив Эндрюса, как в прошлый раз, показав, что можете следовать правилам, и мы посмотрим, что из этого выйдет".

"Сэр, я..."

"И ради всего святого, оставайся на своей полосе в этом деле", - Либерман тяжело выдохнул, и его взгляд метнулся к небольшой полке с алкоголем, которую он держал в конце комнаты, и к полупустой бутылке Glenlivet 21, стоявшей на первом месте в витрине из семи бутылок.

"Я не хочу, чтобы мне пришлось разговаривать с другим федеральным агентством от вашего имени, потому что вы решили, что хотите сыграть в жесткую игру".

Я покраснела. "Это было один раз, и, если я правильно помню, у ФБР действительно было что-то, что нам нужно для расследования!"

"Спасибо, что напомнила, но я говорю не о ФБР! Я говорю о чертовом дерьме с твоими кровными деньгами у железного магната".

О нет, только не это дерьмо снова. Я должна была сообщить фирме о своих инвестициях в Старк Индастрис, чтобы мы могли избежать конфликта интересов при привлечении новых клиентов, и когда я это сделала, Либерман и Лозб вывели меня из себя за то, что я владею долей у "торговца смертью".

При этом совершенно не учитывался тот факт, что "Старк Индастрис" не продавала оружейные технологии с тех пор, как три года назад Старк был спасен из Ирана, но у меня сложилось впечатление, что ни Либерману, ни Лозбу до этого нет дела.

Особенно их волновал тот факт, что им пришлось нанять адвоката, чтобы разобраться с возможными последствиями моих инвестиций.